

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 321–326

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 321–326

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-321-326>, EDN: DZSTTT

Научная статья

УДК [341.324|1941|:342.536.75](47+57)

На пути создания ЧГК СССР: проекты организации специальных органов по установлению и расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях СССР в 1941 г.

А. А. Лакизюк

Липецкий областной краеведческий музей, Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 25

Лакизюк Андрей Александрович, заведующий сектором новейшей истории, andr512@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-5186>, AuthorID: 1151002

Аннотация. В работе анализируются предоставленные в 1941 г. советскому руководству проекты учреждения организаций по установлению и расследованию военных преступлений, совершенных гитлеровскими сообщниками на оккупированных территориях Советского Союза. На основе архивных материалов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, сборников опубликованных документов, а также ряда исследований, посвященных становлению системы органов по подсчету ущерба, определены нормативно-правовые основы деятельности «комиссии Капицы» и «комитета Хавинсона», предполагаемые формы и методы работ. По итогам прошедшего исследования установлены причины, по которым ни один из представленных проектов не был реализован на практике.

Ключевые слова: «Без срока давности», военные преступления, злодеяния, «комиссия Капицы», «комитет Хавинсона»

Для цитирования: Лакизюк А. А. На пути создания ЧГК СССР: проекты организации специальных органов по установлению и расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях СССР в 1941 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 321–326. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-321-326>, EDN: DZSTTT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the way of creation of the CGC of the SSSR: Projects of organization of special bodies for establishment and investigation of atrocities committed by hitlerites in the occupied territories of the SSSR in 1941

A. A. Lakizyuk

Lipetsk Regional Museum of Local History, 25 Lenina St., Lipetsk 398020, Russia

Andrey A. Lakizyuk, andr512@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-5186>, AuthorID: 1151002

Abstract. The paper analyzes the projects submitted to the Soviet leadership in 1941 for the establishment of organizations for reporting and investigation of war crimes committed by Hitler's accomplices in the occupied territories of the Soviet Union. Based on archival materials, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, collections of published documents, as well as a number of studies devoted to the formation of a system of bodies for calculating damage, the legal framework for the activities of the "Kapitsa Commission" and the "Khavinson Committee", the proposed forms and methods of work are determined. Based on the research results the reasons why none of the presented projects were implemented in practice.

Keywords: "No statute of limitations", war crimes, atrocities, the "Kapitsa Commission", the "Khavinson Committee"

For citation: Lakizyuk A. A. On the way of creation of the CGC of the SSSR: Projects of organization of special bodies for establishment and investigation of atrocities committed by hitlerites in the occupied territories of the SSSR in 1941. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 321–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-321-326>, EDN: DZSTTT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2025 г. наше государство отмечает одну из важнейших дат – 80 лет Победы в Великой Отечественной войне. Наряду с этим знаковым событием выделяется еще одно – 80 лет со дня начала Нюрнбергского военного Трибунала, осудившего политический режим нацистской Германии в преступлениях против человечества.

Советский Союз, как наиболее пострадавшая страна от действий нацистов и их пособников, внес самый весомый вклад, предоставив внушительную доказательную базу о злодеяниях гитлеровцев.

Проблема освещения военных преступлений военнослужащих вермахта и специальных карательных организаций нацистской Германии как никогда актуальна в современном российском обществе, о чем свидетельствует реализация проекта «Без срока давности», позволившая систематизировать имеющиеся данные и выявить новые факты и обстоятельства совершенных злодействий. Существенное обогащение источников базы способствовало формированию новых взглядов и концепций.

В то же время все еще значительная часть исторического знания о тех событиях нуждается в более пристальном и детальном рассмотрении. Одним из наиболее проблемных вопросов является изучение деятельности различных партийных, государственных, научных и общественных учреждений и организаций, занимавшихся установлением и расследованием военных преступлений до образования (2 ноября 1942 г.) Чрезвычайной государственной комиссии СССР (далее – ЧГК СССР). В частности, до сих пор, по мнению автора, слабо и неполно представлены сведения о попытках создания такого специального органа еще в 1941 г. Определение нормативно-правовых основ, форм и методов предложенных проектов, а также рассмотрение причин их несостоятельности является целью исследования.

В статье использовались работы И. В. Алферовой и В. Ф. Блохина [1], М. Ю. Сорокиной [2], освещающие различные аспекты становления системы советских органов по фиксации и расследованию военных преступлений, Т. В. Киселевой и П. В. Улизко, изучающих вопросы использования зафиксированных случаев злодействий в советской пропаганде [3].

Источниковой базой являются сборники опубликованных документов [4–6], материалы Государственного архива социально-политической истории (фонд 17, опись 125 – документы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [7, 8], Российского государственного архива новейшей истории (фонд 3, опись 50, дело 540 – «Постановления Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР и др. материалы по вопросам образования Чрезвычайной Государственной Комиссии...») [9]. Часть из них впервые вводится в научный оборот.

При изучении вопросов, связанных с темой военных преступлений, совершенных гитлеровскими военнослужащими и их сообщниками, можно установить тенденцию к их рассмотрению практически всегда через призму деятельности ЧГК СССР, поскольку с появлением данного органа были окончательно упорядочены и систематизированы работы по учету, сбору и хранению материалов как ранее выявленных фактов, так и новых эпизодов. В подавляющем большинстве именно документы ЧГК СССР составили правовую основу, на которой строилось обвинение советской стороны в ходе Нюрнбергского Трибунала.

При этом случаи злодействий в отношении жизни и здоровья советских граждан, а также государственной и личной собственности становились известны едва ли не с первых дней Великой Отечественной войны. На ее начальном этапе работы по фиксации и сбору подобной информации курировали центральные учреждения органов пропаганды – Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Главное управление политической пропаганды Красной армии (далее – ГУПП КА) (с июля 1941 г. Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – ГлавПУ РККА), Советское Информационное бюро (далее – Совинформбюро).

Поступавшие материалы обозначенные выше структуры использовали, в первую очередь, для усиления пропагандистской работы – для формирования образа противника и освещения нарушений германскими военнослужащими норм и обычаев ведения войны (жестокое обращение с военнопленными, атаки на медицинские учреждения) на международной арене с целью обратить внимание иностранной общественности на несправедливый характер войны со стороны гитлеровского руководства [10, с. 442]. Однако организационно-правовые основы данной деятельности были регламентированы слабо – отсутствовали конкретные инструкции и предписания о том, в какой форме необходимо было фиксировать информацию, какие сведения указывать в обязательном порядке. Соответственно, эффективность применения полученных сведений и их оперативное внедрение в политическую работу были на невысоком уровне. Об этом, например, свидетельствует директива ГУПП КА № 081 от 15 июля 1941 г. «Об итогах партийно-политической работы за три недели войны», в которой указывалось, что факты зверств военных организаций нацистской Германии над военнопленными, мирным населением, семьями красноармейцев, наглядно демонстрировавшие преступную сущность политики гитлеровцев на оккупированных территориях, не использовались в должной мере [4, с. 42–43].

Положительная динамика изменений в работе по фиксации военных преступлений наблюдалась после выхода директивы ГлавПУ РККА

№ 186 от 1 августа 1941 г. «О присылке в ГлавГУ РККА фотодокументов». Согласно тексту документа начальникам политических управлений фронтов приказывалось на регулярной основе собирать и присыпать фотоматериалы с подписями, а также составлять официальные протоколы (законченные местными властями и пострадавшими) по известным случаям зверств гитлеровцев в отношении советских граждан и бойцов Красной армии [4, с. 55].

После издания документа на страницах центральных советских газет стали публиковаться первые фотографии с мест преступлений и первые акты, в которых содержались более-менее подробные обстоятельства совершенных злодействий [10, с. 443–444]. Однако их количество все еще было мало и не отражало реальной картины масштаба преступлений.

Во многом выход директивы № 186 был обусловлен тем, что еще в начале июля 1941 г. на имя члена ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, являвшегося также начальником Совинформбюро, были поданы докладная записка военного фотокорреспондента газеты «Правда» В. Темина и письмо Ответственного руководителя ТАСС Я. С. Хавинсона, в которых указывалось на проблему практически полного отсутствия условий для работы фотокорреспондентов и невозможность оперативной доставки материалов в редакции [5, с. 107–109]. Справедливости ради стоит отметить, что виной тому было не столько нежелание или игнорирование ответственных лиц, сколько сложившаяся катастрофическая обстановка на фронтах.

Таким образом, итоги первых месяцев войны показали, что работа по сбору и фиксации фактов преступлений требовала внесения существенных корректировок. Одним из выходов должны были послужить проекты образования специальных органов, непосредственно осуществлявших данную деятельность.

На момент начала Великой Отечественной войны известно о двух крупных предложениях, представленных членам ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталину, материалы о которых отложились в архивах.

Первый проект был подготовлен директором института физических проблем Академии наук СССР П. Л. Капицей. 22 августа 1941 г. член ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославский в записке А. С. Щербакову указал, что академик Капица предложил создать международную комиссию по расследованию фашистских злодействий. В состав комиссии представлялись кандидатуры «нейтральных людей» – американского микробиолога и писателя П. де Крюи, настоятеля Кентерберийского собора священнослужителя Х. Джонсона, бывшего посла США в СССР Д. Дэвиса [7, л. 47]. Сам же П. Л. Капица представил свой проект организации интернациональной следственной комиссии в письме

Сталину 8 сентября 1941 г. Оно практически полностью совпадает с текстом записи Ярославского, но в нем фигурируют новые фамилии потенциальных членов (помимо указанных ранее) – английского писателя Д. Б. Пристли, английского журналиста В. Бартлера, английского политика леди Н. У. Астор [9, л. 1].

По большому счету перечислением состава членов будущего органа идея проекта и исчерпывается. Все подобранные персоналии не случайны и не зря названы Е. М. Ярославским «нейтральными людьми», что скорее неверно, поскольку большинство из них были либо социалистами и коммунистами по своим политическим убеждениям, либо с большой симпатией относились к советскому государствству. Отдельно стоит подчеркнуть тот факт, что в используемых источниках нет указаний на то, кто должен был войти в состав с советской стороны.

В письме приводится статус организации – международная (интернациональная) комиссия по расследованию преступлений. Однако документы не содержат информации о том, на основе каких принципов, форм и методов выстраивалась бы работа. Не ясны правовые основы проведения комплекса следственных мероприятий. Среди предполагаемых членов нет ни одного юриста, обладавшего необходимым опытом в подобной работе. Едва ли был возможен вариант, при котором группе авторитетных иностранных граждан, пусть даже положительно настроенных к сталинскому руководству, предоставлялась бы некая свобода действий в данном вопросе.

Период предоставления проекта по времени совпал с обсуждением создания условий для работы иностранных журналистов, освещавших события на фронтах, изложенных в письме заместителя народного комиссара иностранных дел С. А. Лозовского И. В. Сталину и В. М. Молотову. В качестве рекомендаций Лозовский предлагал организовать поездку делегации, но только в прифронтовую зону (в район Вязьмы или Можайска) для интервьюирования со штабным работником западного направления [6, с. 137–138]. Это дополнительно свидетельствует о том, что допуск иностранцев на передовые позиции или места активных боевых действий, где они могли бы совместно с авангардом наступавших частей становиться и первыми свидетелями гитлеровских злодействий, был практически невозможен.

На документе, подготовленном академиком Капицей, присутствует пометка Сталина о направлении его В. М. Молотову, который, в свою очередь, также оставил надпись о состоявшейся между ним и Петром Леонидовичем беседе 15 сентября 1941 г. Детали того разговора исследователю не известны, но исходя из того, что предложенная инициатива Капицы о создании комиссии так и не получила реализации, можно предположить, что эта идея была если не отвергнута, то отложена на неопределенный срок.

В это же время в поле зрения членов ЦК ВКП(б) попало несколько документов, из содержания которых становится ясно, почему «комиссия Капицы» в реалиях 1941 г. являлась уточненным проектом. Однако ознакомление с ними напрямую связано с рассмотрением следующего проекта, автором которого стал Я. С. Хавинсон.

Практически параллельно с П. Л. Капицей свое предложение о создании органа, осуществлявшего деятельность по установлению военных преступлений, 26 августа 1941 г. на имя А. С. Щербакова направил и руководитель ТАСС. Яков Хавинсон, как непосредственно вовлеченный в систему работы организаций пропаганды функционер, прекрасно был знаком с объемом и содержанием поступавшей информации, а также с возникавшими трудностями и недостатками. Об этом, в частности, свидетельствует первый абзац его записки: «Опыт двухмесячной работы ряда наших органов пропаганды и контрпропаганды приводят к убеждению, что данные о германских зверствах в занятых территориях Советского Союза используются нами далеко не в достаточной степени. Несколько заявлений т. Лозовского на пресс-конференции, несколько сообщений в газетах, весьма скучный фотоматериал и спорадические сообщения по радио – вот и все, что сделано до настоящего времени в этом вопросе...» [8, л. 24].

Далее автор документа говорит о том, что доходчивость и эффективность сведений о преступлениях, которые распространяются на заграничную аудиторию, напрямую зависят от авторитетности и объективности источника информации. Таким, по замыслу Хавинсона, как раз мог стать общественный комитет, специально учрежденный для этой цели [8, л. 24].

Целесообразность его возникновения обосновывалась и тем фактом, что в годы Первой мировой войны подобные организации были образованы в разных странах [8, л. 25]. В Российской империи ею стала Чрезвычайная следственная комиссия, которая с 1915 по 1917 гг. осуществляла деятельность по установлению и расследованию случаев нарушения норм международного права в области ведения войны. Впоследствии члены ЧГК СССР обращались к ее материалам и учитывали опыт ее работы [1, с. 10–11].

В отличие от проекта «комиссии Капицы», Яков Семенович предложил наделить создаваемый орган статусом комитета. При этом руководитель ТАСС подчеркивал, что он должен был иметь неофициальный (т. е. не входящий в систему государственных учреждений) и общественный характер.

В состав «комитета Хавинсона» должны были войти известные всему миру советские общественные деятели, ученые, юристы, врачи, писатели. Его председателем предлагалось назначить выдающегося хирурга академика Н. Н. Бурденко,

а среди членов фигурировали фамилии академиков Богомолова, Капицы, Баха, профессора Кончаловского, адвокатов Коммодова, Брауде, Казначеева, писателей Сергеева-Ценского и Новикова-Прибоя, директора дома ученых Андреевой, народной артистки СССР Тарасовой [8, л. 25].

Как видно из представленного списка, подобранные персоналии обладали большей компетентностью и вполне могли выполнить поставленные перед ними задачи, по сравнению с составом проекта П. Л. Капицы.

Сами задачи были сформулированы следующим образом:

1. Сбор документированных материалов о немецких зверствах, организация в отдельных случаях следственного производства с опросом потерпевших.

2. Публикация отдельных материалов, а также выпуск сборников материалов, фотодокументов и т. д.

3. Выступления внутри Советского Союза и за рубежом с разоблачением немецких зверств [8, л. 24–25].

Таким образом, проект комитета, предложенный Я. С. Хавинсоном, представлял собой вполне организованную структуру, с понятным и известным советскому населению и мировой общественности составом, более четко обозначенным функционалом и принципами деятельности.

В то же время полноценным органом по установлению и расследованию военных преступлений, наделенным особыми полномочиями, его назвать нельзя. Несмотря на заявленный общественный и внесистемный характер, по сути, «комитет Хавинсона» должен был выполнять функции на уровне одного из отделов или институтов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), сосредоточившись исключительно на проблемах сбора, сохранения и применения в пропаганде полученных сведений о злодеяниях.

Однако подобная «неполноценность» «комитета Хавинсона» может только казаться таковой современным исследователям, обладающим обширным послезнанием в области деятельности ЧГК СССР и ее значении в международной правоприменительной практике. В действительности же проект органа полностью отвечал сложившейся военной обстановке и реалиям 1941 г., когда ситуация требовала не организации системы правосудия и преследования гитлеровских преступников, а мобилизации внутреннего потенциала советского населения на борьбу с вторгшимся врагом [3, с. 185].

Почему же ни один из представленных проектов (с учетом их достоинств и недостатков) в 1941 г. так и не был реализован на практике?

По мнению автора, основной причиной является отсутствие решения вопроса о выстраивании

механизма составления документальных сведений о фактах военных преступлений. Как видно из представленных целей и задач, «комиссия Капицы» и «комитет Хавинсона» не обладали полномочиями по выработке, контролю и регулированию единой системы документооборота. Проект руководителя ТАСС предполагал только сбор уже имевшихся материалов, подготовленной той или иной структурой (а в предложении П. Л. Капицы вообще ничего об этом не сказано). Неясно, могли ли члены «комитета Хавинсона» сами участвовать в составлении документов и фиксации злодеяний, за исключением «отдельных случаев».

Между тем, среди поступавшей в органы пропаганды информации были спорные эпизоды, которые могли иметь неоднозначную трактовку. В письме секретаря Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (далее – ИККИ) Д. З. Мануильского от 30 августа 1941 г. на имя заместителя начальника Совинформбюро Лозовского указывалось, что в присылаемых в ИККИ материалах о зверствах германских фашистов содержались такие места, которые могли быть использованы вражеской пропагандой [8, л. 27]. К письму прилагались сведения о двух таких случаях. В первом были приведены показания военнослужащего 286-го стрелкового полка А. Е. Казанца (документ составлен 7 августа), ставшего свидетелем расправы гитлеровских частей над мирным населением одного из населенных пунктов, расположенного между Псковом и Порховом с 7 на 8 июля 1941 г. Как уверял красноармеец, многие бойцы из его подразделения также лично наблюдали эту трагедию, ноказать помочь советским гражданам они не могли, поскольку были плохо вооружены [8, л. 28]. Вероятно, данную информацию можно было истолковать как пример трусости и неспособности Красной армии защитить своих граждан.

Второй эпизод связан с показаниями военнослужащего 3-го батальона 329-го стрелкового полка Д. М. Ивашева, обнаружившего 21 июля 1941 г. в 12 км от станции Сельцы (вероятно, Сольцы) артиллерийское орудие с прикованным к нему неизвестным красноармейцем, на теле которого имелись резаные раны [8, л. 29]. В тексте документа не указано, кто именно подверг пыткам и изувечил бойца, что могло породить различные домыслы и спекуляции.

Из приведенных сведений видно, что при сборе доказательств гитлеровских зверств учитывались и подобные спорные эпизоды (можно предположить, что их было значительно больше, чем два). Очевидна и невозможность использования в пропагандистских целях неоднозначных сюжетов. Поэтому существовало предписание от 15 сентября 1941 г. о более тщательном отборе присылаемых в органы пропаганды и агитации

материалов [8, л. 30]. Однако это не означало запрета на фиксацию проблемных случаев.

Безусловно, решающее значение играла и обстановка на фронтах. Красная армия продолжала отступать вглубь страны. Через месяц после начала обсуждения проектов германские войска перешли в наступление в рамках операции «Тайфун». Советский Союз снова потерял значительную часть территории, остановив врага у Москвы. В сложившихся условиях проводить работу по установлению и фиксации преступлений было крайне затруднительно.

Учитывая перечисленные факторы, 29 октября Управление пропаганды и агитации посчитало нецелесообразным в имевшейся обстановке создавать орган по разоблачению фашистских зверств [8, л. 26]. Важно отметить, что советские чиновники принимали во внимание возможные риски от поспешно принятых решений. К тому же, оба представленных проекта требовали внесения корректиров и уточнения отдельных положений. Именно это, а не отсутствие должного уровня образования и культуры и понимания возможности использовать организации подобного рода в пропагандистской работе, ориентированной на западные страны, как указано в работе исследователя М. Ю. Сорокиной [2, с. 59], и повлияло на то, что в 1941 г. специальный орган по установлению и расследованию гитлеровских злодяйний не был учрежден.

Однако это не означало полного отказа от данной идеи. Впоследствии 2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована ЧГК СССР, при разработке которой был учтен ряд предложений, изложенных в проектах «комиссии Капицы» и «комитета Хавинсона».

Список литературы

1. Алферова И. В., Блохин В. Ф. Основание и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодяйний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 4. С. 9–19. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-04-09-19>
2. Сорокина М. Ю. Где свои, а где чужие? К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Природа. 2005. № 11. С. 57–64.
3. Киселева Т. В., Улизко П. В. Основные формы советской пропаганды по формированию образа врага у личного состава Красной армии в 1941 г. // Воронеж в начальный период Великой Отечественной войны : материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 18 июня 2021 г.) / под ред. С. И. Филоненко. Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГПУ, 2021. С. 180–194.
4. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17 (6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне,

- 1941–1945 гг. : Документы и материалы / сост. Н. И. Бородин, Н. В. Усенко. М. : ТЕРРА, 1996. 672 с.
5. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак. гос. упр., Фед. арх. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Гос. архив РФ. М. : РОССПЭН, 2007. 806 с.
6. Советско-американские отношения. 1939–1945 / отв. сост. Б. И. Жиляев, В. И. Савченко. М. : МФД, 2004. 791 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет КПСС 1898, 1903–1991). Оп. 121. Д. 111.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 51.
9. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС 1952–1991 гг.). Оп. 50. Д. 540.
10. Лакизюк А. А. Участие военнослужащих РККА в работе по фиксации военных преступлений, совершенных гитлеровцами на оккупированной территории СССР в начальный период великой отечественной войны // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды : сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (Москва, 22–25 октября 2024 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров, М. М. Беклемишева. М. : Институт российской истории РАН, 2024. С. 439–448.

Поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025